

АЛЕКСЕЙ
ТУКМАКОВ

ВЕРТИКАЛЬ

Этика автономного субъекта

Алексей Тукмаков

**Вертикаль: Этика
автономного субъекта**

«Автор»

2026

Тукмаков А. В.

Вертикаль: Этика автономного субъекта / А. В. Тукмаков —
«Автор», 2026

Эта книга – жесткий трактат о сохранении человеческой формы в среде, которая системно размывает личность, внимание, волю и смысл. В центре текста – фигура пассионария: человека, который не согласен быть функцией толпы, удобной деталью социального механизма или потребителем чужих сценариев. Автор последовательно разбирает главные источники распада: массовую адаптацию, информационный мусор, псевдокультуру, риторику равнодушия, ловушки «нормальности», подмену мышления шаблонами и подмену любви рынком триггеров. Отдельные главы посвящены дистанции как гигиене, самостоятельному мышлению, творчеству как воплощению замысла, сопротивлению смерти, сверхзадаче и личной архитектуре как форме жизни. Текст сочетает философскую плотность, резкость формулировок и практическую направленность: он не утешает и не адаптирует, а собирает. Это книга для тех, кто хочет удержать вертикаль, не раствориться в среде и превратить собственную жизнь в осмысленный проект.

© Тукмаков А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. ВХОД В ВЕРТИКАЛЬ	5
ЧАСТЬ I. ГДЕ МЫ ЖИВЁМ	6
Глава 1. Антропологическая пустыня	6
Глава 2. Социум как машина зла	8
Глава 3. Культура и псевдокультура	9
Глава 4. Среда как кислота	10
Глава 5. Грибница и функция	12
ЧАСТЬ II. ЧТО ПОЖИРАЕТ ВЕРТИКАЛЬ	14
Глава 6. Информационный мусор	14
Глава 7. Убийцы времени	16
Глава 8. Ловушка адаптации	18
Глава 9. Риторика равнодушия	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Алексей Тукмаков

Вертикаль: Этика автономного субъекта

ПРОЛОГ. ВХОД В ВЕРТИКАЛЬ

Эта книга не предназначена для того, чтобы сделать тебя «лучше», «успешнее» или «счастливее» в общепринятом социальном смысле. Она не обещает душевного покоя, не предлагает техник адаптации к болоту и не собирается лечить твою депрессию. Если ты ищешь утешения или подтверждения своей «нормальности», закрой её немедленно. Ты ошибся дверью.

Мы находимся в антропологической пустыне. Это пространство, где человеческое качество стало дефицитом, а достоинство – помехой для бесперебойной работы социальной машины. Вокруг тебя – не «общество», а гигантская грибница, поглощающая всё, что имеет собственную форму и волю. Среда действует как кислота: она не ломает тебя сразу, она медленно разъедает твою вертикаль, подменяя твои замыслы чужими сценариями, твоё время – очередями, твою страсть – рынком триггеров.

Если ты всё ещё чувствуешь тошноту, глядя на мерзость окружающей среды, – поздравь себя. Это не патология. Это единственный здоровый иммунный ответ твоей личности, которую социальная машина ещё не успела добить. Твоя тошнота – это знак того, что огонь духа в тебе всё ещё жив. Трагедия начнется не тогда, когда тебе будет больно, а тогда, когда пустыня начнет казаться тебе уютным домом.

Эта книга – не лирика. Это аппарат сноса иллюзий. Это инженерная инструкция по защите личной территории от вторжения биомассы. Мы будем говорить о том, как разгонять гаремы ложных связей, как распознавать надзирателя внутри собственного черепа и как превращать свою жизнь не в цикл обслуживания производства-потребления, а в Сверхзадачу.

Быть автором своего мира, а не декорацией в чужом крысятнике – это не морализаторство, а вопрос выживания формы против торжества энтропии. Либо ты выстраиваешь свою траекторию вверх, либо ты становишься перегном для чужих проектов. Третьего варианта пустыня не предусматривает.

Добро пожаловать в зону сопротивления. Здесь начинается Вертикаль.

ЧАСТЬ I. ГДЕ МЫ ЖИВЁМ

Глава 1. Антропологическая пустыня

Современная социальная среда – это не пространство для развития, а гигантский инкубатор по производству «человеческого вторичного сырья». Мы привыкли называть это «цивилизацией», но по сути речь идет об антропологической пустыне – выжженном поле, где достоинство, честь и внутренняя вертикаль не просто отсутствуют, но вызывают агрессивное отторжение как нечто инородное и опасное¹. Здесь низкое больше не распознается как низкое. Оно объявлено «вариантом нормы», «особенностью» или «правом на самовыражение». Когда всё вокруг уравнивается в праве на деградацию, само понятие «человеческого качества» превращается в архаизм, мешающий бесперебойной работе социальной машины².

Первый признак пустыни – полная утрата вкуса к подлинному. В этой среде вместо искусства предлагается зрелище, вместо мысли – шум, вместо любви – функциональное использование другого в режиме временного «санитарно-технического объекта». Человек здесь распадается на набор реакций, инстинктов и мелких выгод. Если личность не выстраивает себя как автономный архитектурный проект вопреки давлению этой массы, она неизбежно превращается в «социальную бактерию» – особь, чья жизнедеятельность сводится к потреблению, размножению и выделению коммуникативного мусора³. Социум в его нынешнем виде не заинтересован в Субъекте. Ему нужен «нормализованный» объект, лишенный критичности и зажатый в тиски выученной беспомощности.

Самое страшное в пустыне – это не внешнее давление, а «надзиратель внутри черепа»: предустановленный софт страха и стыда перед «неправильной», слишком высокой или слишком жесткой мыслью⁴. Внутренняя кастрация разума происходит под аплодисменты психотерапевтических «нормализаторов», которые учат нас «принимать себя» в состоянии распада и называть капитуляцию перед средой – зрелостью⁵.

Но пассионарная этика начинается с отказа от этой сделки. Мы должны признать очевидное: то, что большинство называет «жизнью», является формой медленного износа и энтропии. Если вокруг нет людей, способных на высокую близость и верность идеалу, это не повод снижать планку. Это повод признать факт: ты находишься в антропологической пустыне. Бессмысленно ждать от песка, что он начнет плодоносить. Нужно не «понимать» и «принимать» эту среду, а выстраивать дистанцию – жесткую, санитарную зону отчуждения, через которую не проникает яд социального садизма и разлагающего равнодушия⁶.

Для пассионария одиночество в такой пустыне – не диагноз, а привилегия. Это единственное состояние, в котором возможно сохранить зрение. Если ты видишь мерзость среды

¹ А. Зиновьев, концепция «социопатологии», описывающая общество как организм, подавляющий личную субъектность ради стабильности системы; М. Хайдеггер, идея «Map» — безличного способа существования, где человек теряет себя в повседневном «как все».

² Э. Фромм, концепция «кибернетического человека», ставшего лишь придатком к технической и социальной мегамашине; Г. Маркузе, идея «одномерного человека», чей критический аппарат атрофирован обществом потребления.

³ Л. Гумилев, теория о «субпассионариях» как об особях с отрицательным энергобалансом, живущих за счёт проедания накопленного наследия; К. Лоренц, идея «тепловой смерти чувства», вызванной избыточной стимуляцией и комфортом.

⁴ З. Фрейд, концепция «Сверх-Я» как внутреннего цензора, сформированного социальными запретами; И. Гофман, идея «социального фасада», заставляющего человека постоянно играть роль, одобряемую средой.

⁵ Личная концепция «капитулянтства под маской взросления»: психологическая установка, при которой предательство собственных идеалов и адаптация к циничной среде выдаются за обретение жизненной мудрости.

⁶ Н. Бердяев, идея о том, что личность выше общества и должна защищать свою суверенность от «объективации»; В. Франкл, учение о «упрямстве духа», позволяющем человеку сохранять смысл даже в условиях предельного давления.

и тебя от нее тошнит – значит, в тебе еще жив огонь духа. Эта тошнота – не патология, а иммунный ответ еще не добитой личности. Настоящая трагедия начинается тогда, когда тошнота проходит, и «алмаз в сортире» перестает казаться чем-то вопиющим. Пустыня побеждает не тогда, когда она тебя мучает, а когда она начинает казаться тебе домом⁷.

Вертикаль – это не то, что дается при рождении. Это то, что удерживается ежедневным усилием сопротивления. Быть автором своего мира, а не декорацией в чужом крысятнике – это не морализаторство, а вопрос выживания формы против торжества энтропии. Либо ты осознанно выстраиваешь свою траекторию вверх, либо ты становишься перегноем для чужих замыслов. Третьего варианта пустыня не предусматривает.

⁷ М. Хайдеггер, концепция «брошенности» в мир, где человек рискует полностью раствориться в обыденности; Личная концепция «антирецидивного мышления»: система интеллектуальных фильтров, предотвращающая возврат личности в состояние комфортного социального беспамятства через постоянное удержание этической оценки реальности.

Глава 2. Социум как машина зла

Мы привыкли рассматривать общество как естественную среду обитания или как неизбежное «общественное благо», призванное защищать и поддерживать индивида. Это опасное заблуждение. Трезвый взгляд обнаруживает иную онтологическую природу социального организма: Социум – это гигантская, предельно отчужденная машина по производству системного зла, работающая на топливе из человеческого времени и психической энергии⁸. Зло здесь не является «сбоем» или ошибкой управления; оно имманентно самой структуре муравейника, где множественность воли подавляется ради поддержания гомеостаза системы.

Механика социального зла начинается с тотальной анонимизации ответственности. Машина устроена так, что никто лично не виновен, но каждый участвует в акте подавления. Высшим актом государственного и социального цинизма является смертная казнь. Когда система, полностью контролирующая обезвреженного человека, лишает его жизни, она совершает не акт правосудия, а признание в собственном нравственном крахе⁹. Социум сначала создает гнилую среду, продуцирующую патологии, а затем уничтожает «продукт» своей же жизнедеятельности, чтобы скрыть следы собственной импотенции.

Второй рычаг машины – это система навязанных режимов. Жизнь индивида расписана по часам социальной целесообразности: сон, еда, работа и рекреация подаются как «естественный график», хотя являются формой жесткой дрессировки¹⁰. Человека приучают не слушать собственные биологические нужды и пассионарные импульсы, а следовать внешним инструкциям. Любая попытка выйти за рамки этого графика клеймится как девиация или инфантилизм. Так Социум выжимает из личности ресурс, не давая времени на глубокое рефлексивное погружение или создание автономного проекта¹¹.

Третий, наиболее изощренный метод – это идеологическая фиксация вины. Социум через институт семьи и масс-медиа вдальблывает индивиду концепцию «неоплатного долга» перед обществом, родом или государством. Это интеллектуальная клетка, предназначенная для того, чтобы «козел отпущения» работал и потреблял, не смея жаловаться¹².

Для пассионария единственно возможной формой сосуществования с этой машиной является дистанция. Социум любит массу, он питается социальным трением, интригами и иерархическим пожиранием. Внутри «крысятника» невозможно остаться чистым, даже если ты не участвуешь в дележе объедков – сам воздух этой среды пропитан ядом лицемерия. Социальное зло – это побочный продукт человеческой скученности. Чтобы перестать быть деталью в этом механизме, нужно осознать: на «необитаемом острове» нет интриг, нет жертв и нет палачей. Дистанция – это не просто географическое понятие, это психологическое убежище, единственная черта, за которой кончается власть машины и начинается территория Человека¹³.

⁸ А. Зиновьев, концепция «Глобального человеиника», где социальная интеграция неизбежно ведет к дегуманизации и подавлению личной воли; Т. Гоббс, метафора «Левиафана» как искусственного тела власти, поглощающего права естественного человека

⁹ В. Гюго, позиция против смертной казни как формы легализованного убийства, разлагающего само общество; Личная концепция «смертной казни как нравственного краха социума»: идея о том, что убивая преступника, сформировавшее его общество расписывается в нежелании предложить иную форму воздействия, кроме насилия, и тем самым теряет моральный авторитет

¹⁰ М. Фуко, концепция «дисциплинарного общества» и «биовласти», где контроль осуществляется через нормирование даже физиологических ритмов тела

¹¹ Г. Дебор, концепция «Общества спектакля», где жизнь заменяется её внешним представлением, исключаящим подлинное бытие

¹² Ницше, концепция «рессентимента» и рабской морали, где чувство вины становится радикальным инструментом управления волей; Личная концепция «фиктивной ответственности»: социальный механизм, подменяющий подлинную этику суррогатным чувством вины, призванным заставить индивида принимать агрессию среды без протеста

¹³ Ж.-П. Сартр, идея о том, что «Ад — это другие», когда взгляд другого объективирует и лишает свободы

Глава 3. Культура и псевдокультура

Культура и псевдокультура внешне могут быть похожи. Обе используют язык, формы, символы, имена, традиции, иногда даже одни и те же слова. Но по своей внутренней природе это противоположные явления. Культура поднимает человека над его животным автоматизмом. Псевдокультура, напротив, учит человека любить собственное вырождение, украшать его и называть это развитием¹⁴.

Культура всегда вертикальна. Она требует усилия, отбора, дисциплины, внутреннего роста. В ней есть иерархия высот, а значит – и иерархия ценности. Псевдокультура горизонтальна. Она растворяет различия, убирает труд, подменяет напряжение развлечением и внушает, что любое проявление вкуса или взыскательности – это снобизм, элитарность, «неумение быть проще». Таким образом она обезоруживает человека перед его собственной деградацией¹⁵.

Псевдокультура особенно опасна тем, что она не выглядит как прямое насилие. Напротив, она часто приходит под видом заботы, доступности и демократизации. Человеку говорят: не напрягайся, не усложняй, не думай о высоком, не ставь планку слишком высоко, иначе тебе будет плохо, одиноко и «непригодно для жизни». Так его приучают к мягкому самоуничтожению. Он перестаёт стремиться к форме и начинает оправдывать бесформенность¹⁶.

Для пассионария вопрос культуры – не эстетическая прихоть, а вопрос выживания формы. Если человек теряет связь с высокой культурой, он теряет не просто вкус, а способ видеть мир в его масштабах. Он начинает жить в режиме обесцвеченного настоящего, где прошлое воспринимается как музейный хлам, будущее – как тревожная абстракция, а настоящее – как поток раздражителей. Псевдокультура приучает не созидать, а потреблять культурные суррогаты, не входя в труд традиции и не неся ответственности за собственную форму¹⁷.

Отсюда следует простой, но жесткий вывод: культурный выбор – это всегда выбор между восхождением и разложением. Не существует нейтрального положения. Человек либо хранит и развивает свою вертикаль, либо позволяет псевдокультуре размыть его до состояния удобной биомассы. И если кто-то говорит, что культура – это «неважно», «это лишь вкусовщина», «не стоит придавать значения», – он уже выбрал сторону снижения.

¹⁴ Н. Бердяев, идея о духовной культуре как восхождении личности; Г. Маркузе, критика индустрии культуры, превращающей человека в потребителя готовых смыслов

¹⁵ Т. Адорно, критика массовой культуры как фабрики стандартизированного сознания; Р. Генон, идея о деградации современного мира и утрате традиционной вертикали

¹⁶ Х. Ортега-и-Гассет, образ «восстания масс» как торжества усреднённого человека; Личная концепция «мягкого самоуничтожения»: процесс, при котором индивид, стремясь к комфорту и социальной удобности, постепенно отказывается от внутренней вертикали и теряет способность к высокому усилию

¹⁷ М. Бахтин, идея диалогичности культуры; О. Шпенглер, «Закат Европы» как симптом цивилизационного истощения формы

Глава 4. Среда как кислота

Современная социальная среда действует не просто как неблагоприятный фон. Она действует как кислота. Её разрушительное свойство состоит в том, что она не всегда ломает человека сразу. Гораздо чаще она разъедает его медленно: по капле, по микротрещинам, через повседневность, через интонации, через нормы, через «здравый смысл», через привычки, через ритм жизни, который кажется естественным только потому, что к нему давно привыкли¹⁸.

Ошибка многих людей в том, что они представляют зло слишком грубо и примитивно. Им кажется, что разрушение должно выглядеть как открытая агрессия, скандал, травля, избивание, прямой приказ, запрет. Но у зрелой социальной среды есть более тонкие инструменты. Она умеет разлагать без крика. Она умеет снижать без формального насилия. Она умеет делать так, что человек сам откажется от своей высоты и ещё будет считать это признаком взросления, реализма или адаптации¹⁹.

Именно поэтому среда опасна прежде всего для носителя замысла. Обыватель может десятилетиями жить в разлагающем пространстве и почти не замечать ущерба, потому что у него нет высокого внутреннего критерия. Но если у человека есть идеал, проект, сверхзадача, внутренняя вертикаль, тогда кислота среды начинает работать особенно активно. Она стремится растворить прежде всего то, что возвышается над общим уровнем. Любой сильный замысел воспринимается средой как укор, любое внутреннее благородство – как вызов, любая высокая планка – как молчаливое разоблачение всеобщего снижения²⁰.

Среда действует через четыре основных механизма: ломку, сгибание, разложение и провокацию. Ломка – это грубое давление, когда человека пытаются заставить жить поперёк самого себя. Сгибание – это постепенное принуждение к уступкам, когда от него не требуют капитуляции сразу, а приучают отступать понемногу. Разложение – это подрыв внутреннего огня без явного насилия, когда идеал тускнеет, а энергия уходит в песок. Провокация – это доведение до срыва, после которого система получает возможность объявить виноватым уже самого носителя сопротивления²¹.

Особая сила кислоты в том, что она действует через людей, которых принято считать «своими»: родственников, коллег, партнёров, друзей, наставников, «заботящихся» собеседников. Человека редко разлагает абстрактная «жизнь». Его разлагают конкретные носители среды – те, кто день за днём рихтует его под более низкий стандарт. Именно они потом и получают право на формулу: «жизнь тебя научила», «с возрастом ты понял», «стал спокойнее», «перестал мечтать ерундой». Но за этими словами обычно стоит не мудрость, а длительная социальная обработка, в ходе которой из человека вытравили лишнее, то есть лучшее²².

¹⁸ М. Фуко, идея микрофизики власти, где подчинение производится не только прямым насилием, но и через повседневные дисциплинарные практики; П. Бергер и Т. Лукман, концепция социального конструирования реальности, согласно которой навязанные формы жизни начинают восприниматься как само собой разумеющиеся

¹⁹ Э. Фромм, идея социально одобряемой деструктивности и бегства от свободы, когда человек предпочитает удобное подчинение внутреннему риску самостоятельности; Личная концепция «разложения под видом зрелости»: процесс, при котором капитуляция перед средой переживается человеком как мудрое отречение, хотя фактически означает отказ от собственного идеала

²⁰ Ф. Ницше, идея ressentiment как скрытой враждебности слабого к более сильному и высокому; Н. Бердяев, мысль о конфликте личности и объективации, в которой творческий дух сталкивается с безличным и косным миром

²¹ Личная концепция «четырёх способов социальной деструкции»: типология механизмов, с помощью которых среда нейтрализует субъекта не только прямым подавлением, но и через постепенное внутреннее истощение; Э. Гоффман, анализ социального взаимодействия как сцены, где отклонение от роли часто карается символически и институционально

²² П. Бурдьё, концепция габитуса как системы внутренних установок, формируемых средой и закрепляющих социальное воспроизводство; Личная концепция «социальной рихтовки»: процесс медленного внешнего подравнивания личности под сниженный коллективный стандарт через повторяющиеся акты обесценивания, сомнения и нормативного давления

Ещё опаснее то, что кислота среды часто приходит не под знаком вражды, а под знаком тепла. Она может быть мягкой, ласковой, сочувственной, «здравомыслящей». Она не всегда говорит: «Откажись от себя». Чаще она говорит: «Подумай о безопасности», «не будь крайним», «будь проще», «ты слишком напряжён», «нельзя же так серьёзно», «нужно жить как люди». Это не просто бытовые фразы. Это инструменты химического растворения личности. Через них человеку внушают, что высота – это перегиб, верность – ригидность, сосредоточенность – невроз, дистанция – патология, а жажда великого – смешная компенсация²³.

Среда как кислота особенно разрушительна в сфере любви и близости. Здесь человек совершает роковую ошибку, если думает, что имеет дело только с одной личностью. Очень часто он имеет дело с целой грибницей – с сетью связей, установок, страхов, привычек, родовых сценариев, социальных ожиданий. Ему кажется, что он полюбил конкретного человека, а в действительности он открыл шлюз для проникновения в свою жизнь целого комплекса чужих влияний. Через близость среда получает прямой доступ к самому уязвимому: к мотивации, к чувству самооценности, к способности держать курс²⁴.

Именно поэтому пассионарная этика требует не романтизации среды, а ясности. Среду нельзя просто «любить такой, какая она есть», если она систематически делает тебя хуже. Нельзя бесконечно оправдывать её частными исключениями, если общий вектор её действия – снижение, утомление, рассеивание и разложение. Если пространство, связи, коллектив, образ жизни, даже ритм города подтачивают твою внутреннюю форму, то главный вопрос не в том, как к этому адаптироваться, а в том, почему ты до сих пор это терпишь²⁵.

Из этого следует практический вывод. Для пассионария среда не должна становиться судьбой. Она может быть только временной площадкой, ресурсной базой, плацдармом, который используется без внутренней лояльности к нему. Нельзя пускать кислоту в самое сердце своей системы координат. Нужно смотреть трезво: что в этом месте, в этих отношениях, в этом режиме жизни усиливает меня, а что разъедает. И если разъедает – дистанцироваться, отсекать, уходить, не называя капитуляцию «зрелостью», а отступление от идеала – «уроком жизни». Кислоту не перевоспитывают. С ней минимизируют контакт.

²³ Г. Маркузе, идея репрессивной десублимации, при которой высокие импульсы обезоруживаются через их упрощение и включение в систему комфорта; Личная концепция «мягкого удушения идеала»: форма недирективного давления, при которой человека не ломают в лоб, а постепенно отучают от напряженного устремления к высшему, предлагая взамен уютную деградацию

²⁴ А. Зиновьев, образ человека как элемента сверхобщества, чья индивидуальность глубоко вплетена в коллективные структуры; Личная концепция «грибницы»: представление о большинстве людей как о внешне отдельных фигурах, через которых на самом деле действует единый социальный организм

²⁵ А. Камю, идея метафизического бунта как отказа соглашаться с тем, что уничтожает человеческое достоинство; В. Франкл, представление о необходимости внутренней позиции по отношению к обстоятельствам, а не пассивного растворения в них

Глава 5. Грибница и функция

Одна из самых разрушительных иллюзий, в которых живёт человек, состоит в том, что вокруг него якобы находятся самостоятельные, внутренне свободные, глубоко индивидуальные субъекты. Иногда это действительно так. Но гораздо чаще перед нами не личности в строгом смысле слова, а функции грибницы: внешне отдельные фигуры, через которых говорит, действует и воспроизводит себя единый социальный организм²⁶.

Иллюзия личности возникает потому, что функция грибницы тоже говорит от первого лица. Она может улыбаться, страдать, жаловаться, мечтать, спорить, даже производить впечатление «сложного человека». Но если присмотреться к вектору её существования, очень часто выясняется, что перед нами не самостоятельное ядро, а узел стандартных реакций. Такой человек не столько мыслит, сколько ретранслирует. Не столько выбирает, сколько отыгрывает встроенный сценарий. Не столько живёт, сколько обслуживает систему ожиданий, страхов, ритуалов, гормональных циклов и навязанных ролей²⁷.

Именно поэтому пассионарий так часто ошибается в людях. Он склонен видеть в другом возможную глубину, возможный огонь, возможного соучастника по вертикали. Он судит по себе и надеется, что перед ним тоже есть центр внутреннего сопротивления, тоже есть тайная жизнь духа. Но очень часто он сталкивается не с субъектом, а с социальным интерфейсом. Ему кажется, что он разговаривает с человеком, а в действительности он уже разговаривает с грибницей, которая через этого человека защищает свою стабильность, свою низость, свою норму²⁸.

Грибница не обязана быть злой в примитивном смысле слова. Она может быть доброжелательной, культурной, заботливой, милой, образованной, даже сочувствующей. Но это ничего не меняет по существу. Её задача – не дать тебе выйти из общего слоя. Её базовый инстинкт – возвращать всякое отклонение к среднему. Если ты слишком напряжён к цели, тебя будут «успокаивать». Если ты слишком взыскателен, тебя будут учить «простоте». Если ты слишком предан идеалу, тебя будут лечить от «ригидности». Если ты слишком дорожишь временем, тебе будут подсовывать шум как будто бы нормальную ткань жизни²⁹.

Здесь особенно важно понять: грибница действует не только через давление, но и через заражение. Она не всегда спорит с тобой в лоб. Гораздо чаще она постепенно подменяет внутренние критерии. Ты начинаешь говорить её словами, сомневаться её сомнениями, стыдиться того, что раньше считал своей правдой. Субъект ещё не капитулировал формально, но его внутренний язык уже колонизирован. Это и есть одно из самых опасных поражений: не когда тебя сломали, а когда ты начал интерпретировать себя изнутри чужими категориями³⁰.

²⁶ А. Зиновьев, идея сверхобщества как системы, в которой отдельный индивид в значительной степени является носителем социальных алгоритмов, а не автономным центром воли; Э. Фромм, концепция социального характера, согласно которой общество формирует в человеке типовые способы чувствовать, хотеть и реагировать

²⁷ П. Бурдьё, концепция габитуса как встроенной в человека системы схем восприятия и поведения, воспроизводящей структуру среды; Г. Маркузе, идея одномерности, при которой критическая дистанция к социальной реальности исчезает, а сознание срастается с предложенными ему шаблонами

²⁸ М. Бубер, различение отношения «Я–Ты» и «Я–Оно»: подлинная встреча возможна не всегда, поскольку другой нередко предстает не как живая глубина, а как объектная функция; Личная концепция «социального интерфейса»: ситуация, в которой конкретный индивид выступает лишь экраном для передачи коллективных установок, не имея собственной суверенной позиции

²⁹ М. Фуко, идея нормализации как скрытого механизма власти, возвращающего отклоняющегося субъекта в допустимый диапазон; Личная концепция «усреднительного рефлекса среды»: склонность социальной массы автоматически снижать всякое проявление вертикали, переводя его в регистр патологии, крайности или наивности

³⁰ Л. Выготский, идея интериоризации, согласно которой внешние формы воздействия и речи становятся внутренними структурами сознания; Личная концепция «внутренней колонизации»: процесс, при котором социальная среда захватывает не только поведение человека, но и его способ мыслить о самом себе

Функция грибницы почти всегда узнаваема по одному признаку: она не выдерживает подлинной субъектности. Ей трудно рядом с человеком, который действительно что-то строит, действительно думает сам, действительно не хочет жить по шаблону. Она может сначала заинтересоваться им, даже прилипнуть к нему, как к источнику энергии. Но затем почти неизбежно включается защитный механизм. Пассионарий начинает вызывать раздражение, тревогу или скрытую агрессию уже самим фактом своего существования. Почему? Потому что он разоблачает. На его фоне слишком видно, кто живёт, а кто обслуживает биосоциальный цикл³¹.

Особенно коварна ситуация в любви, дружбе и профессиональной среде. Там человеку хочется верить, что он имеет дело с исключением. Что вот здесь – не грибница, а личность. Что вот здесь – не функция, а живое ядро. Иногда это правда. Но именно здесь ошибка стоит дороже всего. Потому что если ты выпускаешь в свою жизнь функцию грибницы как будто бы личность, ты выпускаешь не одного человека, а всю его систему: его нормы, страхи, социальные привязки, родовые рефлексy, бытовую гравитацию, его скрытую лояльность к общему болоту. И если ты не распознаешь это вовремя, твоя траектория начинает искривляться³².

Отсюда вытекает жёсткий, но освобождающий вывод: нельзя исходно приписывать субъектность всем подряд. Это роскошь, за которую пассионарий платит слишком дорого. Сначала нужно наблюдать, выдерживает ли человек свободу, высоту, дистанцию, одностороннюю преданность делу, отказ от шума, отказ от стадных игр. Способен ли он не колонизировать твоё время, не обесценивать твою линию, не втягивать тебя обратно в грибницу. И только потом уже решать, кто перед тобой: личность, потенциальный союзник или просто очередной канал социальной инвазии³³.

Это не мизантропия. Это санитарный минимум для того, кто не хочет прожить жизнь в окружении декораций, принимая их за людей. Ошибка в распознавании здесь не абстрактна. Она стоит времени, любви, воли, курса, а иногда и самого проекта. Грибница не обязана тебя уничтожать в лоб. Ей достаточно, чтобы ты медленно перестал быть собой. Этого для неё более чем достаточно.

³¹ Ф. Ницше, идея *ressentiment* как скрытой ненависти к более сильному, цельному и свободному; Н. Бердяев, мысль о трагическом конфликте творческой личности с объективированным миром, который не выносит свободы духа

³² А. Зиновьев, описание человека как элемента густо связанной социальной среды, а не как полностью автономной единицы; Личная концепция «искривления траектории»: постепенное отклонение пассионария от собственного курса под влиянием близких связей, которые незаметно возвращают его в режим усредненной жизни

³³ К. Юнг, идея индивидуации как редкого пути становления подлинной самости, отличной от коллективных масок; Личная концепция «теста на субъектность»: практический принцип, по которому человека следует оценивать не по словам и не по самопрезентации, а по тому, усиливает ли он твою вертикаль или работает на её снижение

ЧАСТЬ II. ЧТО ПОЖИРАЕТ ВЕРТИКАЛЬ

Глава 6. Информационный мусор

Информационный мусор – это не просто «плохой контент». Это контент, который незаметно выедает внимание, подменяет мышление и приучает мозг получать удовольствие от вторичной переработки чужих образов. Он опасен именно тем, что выглядит безобидно, а иногда даже талантливо. Человек думает, что просто «немного отвлёкся», «посмотрел красиво сделанное видео», «порадовался ностальгии» или «вдохновился стилем». Но на деле он уже отдал свой когнитивный ресурс чужой машинке по производству симулякров³⁴.

Первый тип такого мусора – это мемно-кинематографический фастфуд вроде «Шурик в Матрице». Здесь мозг получает дешёвый дофаминовый удар от узнавания. Тебе не нужно заново входить в мир, думать, переживать, сопротивляться. Достаточно мгновенно распознать знакомый образ, увиденный в новом наряде. Советский персонаж, вставленный в голливудскую оболочку, вызывает короткий всплеск удовольствия: старое и знакомое внезапно «пересобрано» в несуществующую новизну. Но эта новизна ложная. Она не создаёт смысла, а лишь имитирует его³⁵. Особенно коварно то, что подобные ролики маскируются под креативность. На деле это часто не творчество, а автоматическая переработка архетипов для быстрого потребления. Ты не становишься богаче внутренне – ты просто на секунду щёлкаешь по уже знакомой кнопке.

Второй тип мусора – цифровая ностальгия. Это визуальные и смысловые картинки, которые продают не прошлое, а тоску по выдуманному прошлому. Машина едет под дождём, тёплый свет, старая улица, тихая музыка, кто-то смотрит в окно, кто-то будто бы любит кого-то навсегда, мир кажется мягким, глубинным, почти священным. Но если убрать эстетический грим, останется не прошлое, а фантазия о прошлом, в котором всё будто бы было чище, медленнее и человечнее³⁶. Цифровая ностальгия работает как наркоз. Она не помогает понять историю, а усыпляет трезвость. Она внушает, что где-то существовала утраченная полнота, которой тебя лишили, и теперь ты живёшь в её тени. На самом деле часто никакой полноты не было. Был труд, грязь, насилие, дефицит, болезнь, социальная тупость и грубость. Но картинка всё это вычищает. Она берёт обломок реальности и делает из него религиозный символ утраченного рая³⁷. Для пассионария это особенно вредно, потому что ностальгия по несуществующему прошлому отбирает энергию у настоящего проекта. Ты не строишь свою траекторию, если бесконечно тоскуешь по чужой иллюзии.

Третий тип мусора – футуристические арты. Они продают не будущее, а успокоительную фантазию о том, что техника снимет с человека всю тяжесть существования. Гладкие поверхности, стерильные интерьеры, корабли, дроны, мегаструктуры, чистые линии, роботы, идеальный свет. Визуально это очень соблазнительно, потому что обещает мир без грязи, без износа, без

³⁴ Г. Дебор, идея общества спектакля как мира, где представление вытесняет реальность; Ж. Бодрийяр, теория симулякров и гиперреальности, в которой знаки перестают указывать на действительность и начинают жить собственной жизнью

³⁵ Р. Барт, идея мифа как вторичной семиотической системы, где исходный образ переупаковывается и начинает значить не то, чем он был; Личная концепция «дофаминовой приманки узнавания»: приём, в котором мозг цепляется за знакомый культурный маркер, принимая краткий эффект узнавания за содержательное переживание

³⁶ П. Нора, идея «мест памяти» как конструируемых культурных точек, в которые общество вкладывает желаемый образ прошлого; Р. Барт, механизм мифологизации повседневного образа

³⁷ М. Хальбвакс, коллективная память как социально сконструированная и выборочная; Личная концепция «ностальгического наркотика»: эстетическая форма, усыпляющая критическое мышление за счёт подмены исторической реальности чувственно приятной фикцией

очередей, без скучной рутины, без физической тяжести. То есть мир, в котором можно наконец просто жить «по-настоящему»³⁸. Но в этой картинке скрыт обман. Она показывает только фасад возможного освобождения, не показывая цену, на которой он держится. Кто чинит, кто обслуживает, кто добывает, кто вывозит, кто таскает, кто платит? Арт не отвечает. Он продаёт не реальный мир, а эмоциональное обещание мира без цены³⁹. И именно поэтому такие арты так прилипчивы: они предлагают не мысль, а эмоциональную компенсацию за усталость от настоящей жизни.

Четвёртый тип мусора – фэнтези-арты. Здесь механизм иной. Фэнтези возвращает человеку ощущение масштаба, силы, избранности, тайны. В мире, где человек всё чаще чувствует себя винтиком, фэнтези даёт ему меч, башню, древний лес, магию, кровную линию, особую миссию. Это не просто красивый жанр. Это психологический ответ на обезличивание⁴⁰. Но и здесь есть ловушка. Фэнтези часто кормит желание не становиться сильнее, а воображать себя сильным. Человек потребляет образ собственной значимости, вместо того чтобы выстраивать её в действительности. Он получает иллюзию внутренней глубины через чужой визуальный код. Это приятно, но опасно. Потому что воображаемая избранность легко подменяет реальный труд, дисциплину и путь⁴¹.

Во всех этих случаях действует один и тот же принцип: мозг получает яркую форму без содержательного становления. Он радуется знакомому, красивому, символически сильному, но не растёт. Более того, он начинает привыкать к пассивному потреблению чужой сборки реальности. И чем больше таких доз, тем труднее потом войти в реальную работу мысли. Человек, долго живущий на мемах, ностальгических клипах, футуристических обещаниях и фэнтезийной магии, начинает воспринимать живую реальность как скучную. А значит, он уже проиграл. Потому что реальность не обязана быть зрелищной. Она обязана быть прожитой, понятой и построенной. Информационный мусор же делает обратное: он размывает способность к этому трем действиям⁴².

Вот почему пассионарий не должен просто «избегать тупого контента». Он должен выработать к нему иммунитет. Не по морализаторству, а из гигиены мышления. Если ты хочешь строить проект, создавать текст, держать линию, не предавать траекторию, тебе нельзя кормить мозг тем, что делает его зависимым от чужих картинок. Иначе ты будешь жить не в собственной реальности, а в бесконечном чужом монтажном ряде.

³⁸ М. Маклюэн, идея медиа как расширения человека и одновременного изменения его восприятия; Н. Бердяев, мысль о технологическом соблазне, подменяющем творчество человека внешней комфортностью

³⁹ Ж. Эллюль, критика технизации как автономной системы, которая начинает диктовать человеку свои условия; Личная концепция «технологической утопии без издержек»: образ будущего, в котором показан только итог комфорта, но скрыта вся инфраструктура труда, насилия и распада, делающая этот комфорт возможным

⁴⁰ К. Юнг, архетипическая функция образов, пробуждающих коллективное бессознательное; О. Шпенглер, идея символического мира культуры, в котором форма несёт метафизическое измерение

⁴¹ Личная концепция «эстетической компенсации»: подмена собственного становления потреблением образов силы, которые создают переживание значимости без реального усилия

⁴² Г. Дебор, «Общество спектакля»; Личная концепция «когнитивного фастфуда»: быстро потребляемые визуально-символические продукты, которые насыщают внимание, но не создают внутреннего содержания

Глава 7. Убийцы времени

Время – это не фон жизни, а сама ткань жизни. Поэтому всё, что его незаметно съедает, является не мелкой бытовой неприятностью, а прямым покушением на субъектность. Пассионарий особенно уязвим к убийцам времени, потому что его ресурс не бесконечен: он не живёт в режиме праздного перетекания из дня в день, а строит траекторию. Когда траектория есть, каждый час становится частью миссии. Когда траектория размыта, человек начинает думать, что время «само как-то идёт», и именно в этот момент его начинают грабить самые банальные вещи⁴³.

Первый убийца времени – это очередь. Очередь кажется нейтральной: ну постоял, ну подождал. Но на самом деле она делает сразу две вещи. Во-первых, она насильственно разрывает внутренний ритм. Во-вторых, она приучает к бессилию. Человек стоит и не может повлиять на процесс, который пожирает его часы. Если очереди входят в образ жизни, они перестают восприниматься как зло. А это уже опасно: нормализованное ожидание превращает жизнь в склад отложенных дел⁴⁴.

Второй убийца – это лишние перемещения. Бесконечные поездки туда-сюда, случайные заходы, неоптимальные маршруты, бытовая логистика, которая могла бы быть сокращена вдвое, но почему-то не сокращается. Для обывателя это «ничего страшного». Для пассионария – это прямой слив жизни. Время, потраченное на бессмысленное движение, не просто уходит, оно рассыпается в пустоту, оставляя после себя усталость и ощущение, что день прошёл, а не сделано почти ничего⁴⁵.

Третий убийца – это бытовая перегрузка мелочами. Поиск вещей, ненужная готовка, бесконечные микрозадачи, которые можно было бы минимизировать, но человек по привычке живёт в режиме неэффективного расхода себя. Для личности важно не то, чтобы превратить жизнь в стерильную лабораторию, а чтобы убрать очевидный абсурд: неудобный быт, хаотичный режим, бессмысленные повторения, которые съедают внимание и не дают сосредоточиться на главном⁴⁶.

Четвёртый убийца – это чужой шум. Разговоры ни о чём, обязательные социальные контакты, пустые переписки, ритуальные встречи, просьбы «на пять минут», которые в реальности забирают час. Человек часто не замечает, сколько сил он отдаёт на поддержание видимости участия. Но если он хочет создавать, ему нужно охранять не только время, но и внутреннюю тишину, без которой мысль не оформляется⁴⁷.

Пятый убийца – это информационное залипание. Новости, бесконечные обновления, видео, ленты, чужие мнения. Всё это создаёт иллюзию занятости, но на деле чаще лишь размывает траекторию. Мозг оказывается в режиме реагирования, а не созидания. И здесь особенно опасна не просто информация, а её хаотическая подача. Если ты непрерывно переключаешься, у тебя не остаётся ни глубины, ни концентрации, ни права на собственный ритм⁴⁸.

⁴³ Х. Ортега-и-Гассет, идея о том, что масса живёт в режиме потребления готовой жизни, не осознавая цену времени; В. Франкл, представление о времени как о смысле-ориентированном ресурсе, а не просто последовательности часов

⁴⁴ Личная концепция «разлагающего ожидания»: ситуация, в которой внешне пустое ожидание съедает не только часы, но и внутреннюю собранность, приучая человека к пассивности

⁴⁵ Личная концепция «логистического слива»: пространственные потери времени и энергии, возникающие из-за неоптимально организованного режима жизни

⁴⁶ М. Фуко, дисциплинарная организация повседневности; Личная концепция «бытового шума»: мелкие повторяющиеся неудобства, которые не выглядят катастрофой, но суммарно размывают способность к сосредоточению

⁴⁷ Г. Дебор, общество спектакля как мир принудительной видимости; Э. Фромм, различение продуктивной и непродуктивной ориентации личности

⁴⁸ Н. Винер, идея о системе управления, разрушаемой избыточным шумом; Личная концепция «когнитивного рассеяния»: состояние, при котором внимание распадается на фрагменты, не образуя цельной мысли

Отсюда вывод: пассионарий обязан заниматься гигиеной времени так же серьёзно, как гигиеной мышления. Это не мелочь и не бытовой каприз. Это защита миссии. Если ты отдал день очередям, перемещениям, лишней логистике, шуму и цифровому мусору, ты вроде бы ничего «страшного» не совершил. Но именно так и утекает жизнь: тихо, малыми дозами, под видом нормальности. Пассионарная этика требует другого отношения: считать время не расходом, а капиталом, который нельзя отдавать без крайней необходимости⁴⁹.

⁴⁹ В. Франкл; А. Шопенгауэр, мотив ценности времени жизни как единственного невосполнимого ресурса

Глава 8. Ловушка адаптации

Адаптация традиционно преподносится как высшая добродетель разума. Социум, психотерапевты и «учителя жизни» в один голос твердят: «нужно уметь подстраиваться», «гибкость – залог выживания», «не будь ригидным». Однако с точки зрения пассионарной этики, тотальная адаптация является формой капитуляции. Это процесс медленного стирания углов личности ради того, чтобы она без трения вошла в пазы общественной машины. Проблема не в самой способности приспосабливаться, а в том, что цена этой подстройки часто оказывается выше, чем выгода от неё⁵⁰.

Ловушка адаптации заключается в том, что она всегда требует упрощения. Чтобы стать «своим» в среде, чей уровень низок, ты должен снизить собственное разрешение. Ты должен начать смеяться над тем, что тебе не смешно, всерьез обсуждать то, что считаешь чепухой, и – самое опасное – имитировать чувства, которых не испытываешь. Постепенно имитация становится натурой. Человек перестаёт притворяться и действительно становится тем, кем он казался ради удобства⁵¹. Социум называет это «социализацией», но по сути это антропологическая кастрация.

Особенно ядовита адаптация в сфере мышления. Система выстраивает «интеллектуальные коридоры», по которым двигаться безопасно. Как только мысль пытается выйти за флажки, включается механизм социального стыда или страха быть отвергнутым. «Адаптированный» интеллект – это интеллект, который заранее знает, какие выводы делать нельзя. Он не ищет истину, он ищет способ подтвердить уже одобренные шаблоны⁵².

Для пассионария альтернативой адаптации является дистанция. Жить в обществе, но не позволять ему перенастраивать твой внутренний прибор – это трудная, но единственно верная стратегия. Вместо того чтобы «вписываться», пассионарий рассматривает среду как временный ландшафт, по которому он прокладывает свою траекторию. Мы не должны стремиться быть «понятными» и «удобными» для системы, чьи цели противоположны нашему восхождению. Адаптация к болоту неизбежно превращает тебя в его часть. Пассионарная этика утверждает: лучше быть «неадекватным» с точки зрения вырождающейся среды, чем «нормализованным» трупом⁵³.

⁵⁰ Э. Фромм, концепция «социального характера» как формы отчуждения индивидуальности; Г. Маркузе, критика идеи адаптации как инструмента нейтрализации оппозиционного мышления

⁵¹ Личная концепция «капитулянтства под маской взросления»: психологический механизм, при котором предательство собственных идеалов и снижение планки выдается за обретение «жизненной мудрости» и «реализма»

⁵² А. Зиновьев, анализ советского и западного общества как систем, ограничивающих диапазон мышления через механизмы стандартизации; М. Хайдеггер, концепция «Man», где человек «думает так, как думают все», теряя собственное бытие

⁵³ В. Франкл, идея о том, что аномальная реакция на аномальные обстоятельства является признаком нормальности; Личная концепция «верность траектории»: способность субъекта удерживать направление движения вопреки сопротивлению среды, не прибегая к капитулянтству адаптации

Глава 9. Риторика равнодушия

В современной культуре возник изощренный лингвистический аппарат, предназначенный для легитимации эмоциональной глухоты и социального аутизма. Под маской «психологической грамотности» и «заботы о ментальном здоровье» в обиход введены понятия, которые на деле служат инструментами отчуждения. Слова «личные границы», «токсичность», «незакрытый ресурс» и «эмоциональное обслуживание» превратились в легальный способ оправдания безразличия и холодности. Если классическая этика рассматривала сострадание и отзывчивость как долг Личности, то современная риторика равнодушия объявляет их «нарушением баланса» и «созависимостью»⁵⁴.

Основная ловушка этой риторики состоит в подмене понятий. Здоровое нежелание подвергаться насилию (подлинные границы) подменяется отказом от любого душевного усилия. Человек, овладевший этим лексиконом, получает возможность обесценивать чужую боль, называя свои реакции «выстраиванием границ». Это «психологизированный садизм»: когда холодность подается не как дефект сердца, а как признак «проработанности» и «здоровья»⁵⁵. В этой системе координат Другой перестает быть целью и становится лишь «объектом взаимодействия», который должен быть либо удобен, либо удален.

Риторика равнодушия особенно эффективна в мегаполисе, где атомизация достигла предела. Здесь человек окружен тысячами тел, но защищен от них броней функционального игнорирования. Нам внушают, что сопереживание «энергозатратно», а сочувствие «непродуктивно». Пассионарная же этика утверждает обратное: именно способность к глубокому резонансу, к любви как труду души, является маркером живого субъекта. Отказ от этой способности в угоду «психологическому комфорту» — это добровольное превращение в социальный автомат⁵⁶.

⁵⁴ Э. Фромм, концепция «рыночной ориентации», при которой человеческие отношения строятся по принципу эквивалентного обмена; К. Лаш, анализ культуры нарциссизма как системы, поощряющей эгоцентризм под видом саморазвития

⁵⁵ Личная концепция «лингвистической кастрации сочувствия»: использование психологических терминов для блокировки естественного нравственного отклика и эмоционального резонанса с Другим

⁵⁶ М. Бубер, различение отношений «Я-Ты» и «Я-Оно», где «Я-Оно» — это потребительское отношение к миру и людям; Личная концепция «деградации через комфорт»: процесс, при котором стремление к отсутствию душевного дискомфорта ведет к атрофии духовных качеств личности

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.